

МИД и реформа заграничных церквей Русской православной церкви в 1860-х гг.

В.О. Печатнов, Вал.В. Печатнов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье на основе ранее не использованных исследователями документов Архива внешней политики Российской империи рассматривается взаимодействие российской дипломатии и заграничных церквей РПЦ в ходе реформы системы управления этими церквями в первой половине 1860-х гг. Это преобразование, проводившееся на фоне «Великих реформ» Александра II, было призвано повысить эффективность системы управления заграничными церквями. Разработчики реформы, начатой по инициативе самого императора, исходили из необходимости преодолеть разноречивость в системе управления, штатном расписании причтов и финансировании церквей, а также определить круг прав и обязанностей зарубежного клира в его отношениях с руководством дипломатических представительств. В этих целях вводилось единообразное управление заграничными церквями с административным подчинением их Министерству иностранных дел. В статье раскрывается центральная роль МИД под руководством А.М. Горчакова в разработке и осуществлении этой реформы, которая проводилась на межведомственной основе с участием Св. Синода, Министерства двора и Министерства финансов. При разработке реформы учитывались мнения руководства дипломатических миссий и настоятелей заграничных церквей. Авторы прослеживают весь процесс сложных межведомственных согласований, в результате которого был достигнут баланс интересов всех участников. Созданная в итоге система государственно-церковного взаимодействия оказалась эффективной и просуществовала до конца Российской империи. Через призму этой реформы в статье даётся картина состояния заграничных церквей и состава их священнослужителей, составлявших цвет Русской православной церкви. Реформа представляет интерес и как наглядный пример административных преобразований в рамках государственного аппарата Российской империи.

Ключевые слова: МИД Российской империи, посольства, миссии, РПЦ, Св. Синод, православные посольские церкви

УДК: 322.2

Поступила в редакцию: 20.03.2019 г.

Принята к публикации: 12.04.2020 г.

В последние годы история русского православия за рубежом привлекает растущее внимание отечественных исследователей. Появилось немало работ, посвящённых деятельности РПЦ в различных странах и даже истории отдельных православных храмов в странах Европы и Азии. Своё место в этих исследованиях занимает изучение роли российской дипломатии в защите и продвижении православия, включая поддержку миссионерской деятельности РПЦ¹. Однако взаимодействие Русской православной церкви с российской дипломатией изучено ещё недостаточно, в том числе – роль Министерства иностранных дел Российской империи в управлении заграничными учреждениями РПЦ. Настоящая статья, написанная на основе мало использованных документов Архива внешней политики Российской империи², продолжает эту тему, начатую в работе Е.П. Кудрявцевой на страницах «Вестника МГИМО-Университета» по материалам первой половины XIX в. (Кудрявцева 2017). Речь идёт о следующем периоде деятельности православных церквей при посольствах и дипломатических миссиях России, в течение которого при самом активном участии МИД проводилась серьёзная организационная перестройка. Эта реформа интересна ещё и как конкретный пример функционирования государственной машины Российской империи, действовавшей неспешно, но основательно, с тщательной проработкой всех аспектов задуманных преобразований и хорошо отлаженным механизмом подготовки и принятия решений.

Основа системы управления зарубежными церковными учреждениями Русской православной церкви сложилась в ходе реорганизации МИДа в 1830-х гг.

¹ *История русского православного зарубежья*. 2016. Том 1. Русское Православное зарубежье до 1917 г. Книга 1. Русское православное присутствие на христианском Востоке, X–XX в. – Москва: Издательство Московской Патриархии Русской православной церкви; *Россия в Святой Земле. Документы и материалы*. 2000. В 2 тт. Москва; Попов А.В. 2005. *Русское православное зарубежье: история и источники*. Москва: ИПВА; Климент (Капалин), митроп. 2009. *Русская православная церковь на Аляске до 1917 года*. Москва: Олма Медиа Групп; Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. 2015. *Россия и Святая Земля в первой половине XIX века: церковная политика на Православном Востоке*. Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История; *История Русской духовной миссии в Коре*. 1999. Сб. статей. Москва: Издательство Свято-Владимирского братства; *Православие на Дальнем Востоке*. 2001. Вып. 1-3. Под ред. академика М.Н. Боголюбова. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; Янышевский М.Н. 2013. *Россия в Святой Земле. Русская духовная миссия, Генеральное консульство в Иерусалиме и Иерусалимский Патриарх в начале XX века*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва; Гогорян К.Э. 2016. *Русское зарубежное духовенство в Западной Европе в XIX веке: общие тенденции и специфика*. *Вестник ПСТГУ*. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 6 (73). С. 45-54; *Русские храмы и обители в Европе*. 2005. Авт.-сост. В.В. Антонов, А.В. Кобак. Санкт-Петербург: Лики России; *Русское Православие в Бельгии*. 2013. В 2 т. Т. 1. Статьи и очерки. 448 с.; Т. 2: Документы, воспоминания и переписка. Ред.-сост. Е.Н. Егорова. 275 с. Москва: Свято-Екатерининский мужской монастырь; Брюссель: Архив русской эмиграции; Талалай М.Г. 2018. *Православие в Испании: трудный путь становления и развития*. М.Г. Талалай, Е.С. Токарева. *Вестник ПСТГУ*. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 82. С. 37-52; Сухова Н.Ю. 2016. *Полвека служения русской православной придворной церкви в Гааге (1816-1866)*. *Христианское чтение*. 6(65). С. 127-149; Грезин И.И. 2014. *Из истории строительства русских храмов в Швейцарии*. *Вестник ПСТГУ*. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 1(56). С. 137-144; Корниенко Н., свящ. 2017. «А святую ту церковь построить»: из истории возведения и деятельности Свято-Троицкого храма в Урге. *Христианское чтение*. №5. С. 198-208; Одерова М.В. 2009. *Православная церковь при русском посольстве в Париже (1816-1917)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: МГУ.

² Основной массив соответствующих документов собран в деле 46 Фонда 159 (Департамент личного состава и хозяйственных дел). Оп. 337/1, Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ).

при Николае I. К концу его царствования при российских посольствах и миссиях имелось 13 храмов в странах Европы, один в Константинополе и один в Китае (Кудрявцева 2017: 9-10). Все храмы были открыты не только для личного состава самих дипломатических представительств, но и для других российских подданных в этих странах, а также для принявших православие местных жителей. На всех них распространялась и пастырская забота штатных священнослужителей. Кроме пастырского окормления и богослужений, на настоятелей заграничных храмов в середине XIX в. была возложена ещё одна обязанность. Генерал-лейтенант граф Н.А. Протасов, обер-прокурор Св. Синода в 1836–1855 гг., поручил им вести наблюдения над духовной жизнью в тех странах, где они служили. Для уточнения того, за чем именно Св. Синоду представлялось особенно важным наблюдать, каждому настоятелю была выслана «программа» с изложением главных предметов, поручавшихся их наблюдению. По мнению графа А.П. Толстого, служившего обер-прокурором чуть позже, с 1856 по 1862 г., полученные таким образом сведения позволяли судить «о состоянии христианских исповеданий» во всех странах Западной Европы (Кудрявцева 2017: 9).

Заграничные церкви подразделялись на собственно посольские и консульские, придворные (основанные членами Императорской Фамилии) и надгробные церкви в местах захоронения императорских особ. В организационном отношении они, как правило, подчинялись главам посольств и миссий, а в остальном – Святейшему Синоду, ведавшему назначениями, и начальству Санкт-Петербургской епархии, осуществлявшему общий контроль над зарубежными церквями. Эта система двойного подчинения была вполне рациональной, она не случайно сохранилась и впоследствии. Однако отсутствие чёткой и единой нормативной базы вело к разнобою в системе управления, штатном расписании и финансировании, а также в определении круга прав и обязанностей зарубежного клира в его отношениях с руководством дипломатических представительств. По этой причине все, даже мелкие, вопросы содержания посольских храмов, включая определение жалования отдельным священнослужителям, решались на «высшем уровне» Императорского Двора и лично Государя Императора. Так, например, в начале 1863 г. (когда действовал ещё прежний порядок) министр иностранных дел вице-канцлер А.М. Горчаков по ходатайству российских посланников в Неаполе и Копенгагене лично испрашивал у императора выплату единовременных пособий двум дьяконам тамошних православных церквей за многолетнюю службу, получив монаршую резолюцию «Исполнить».

В атмосфере «великих реформ» Александра II такое положение воспринималось как недопустимо архаичное. Общая тенденция к реформированию и повышению эффективности госаппарата в условиях усиленного режима экономики после Крымской войны распространилась и на сферу церковно-государственной политики. Непосредственным толчком послужило, как это обычно бывало в условиях самодержавия, распоряжение монарха, сделанное по сугубо частному случаю.

Летом 1862 г. министр двора граф В.Ф. Адлерберг доложил императору вопрос о русской православной церкви в Веймаре, основанной в 1804 г. для Марии Павловны – дочери Павла I, вышедшей замуж за наследного принца Саксен-Веймарского Карла Фридриха и ставшей впоследствии великой герцогиней Саксен-Веймарской-Эйзенахской (см. рис. 1).

Рис. 1. Портрет Вел. Кн. Марии Павловны работы Боровиковского
Pic. 1. Grand Duchess Maria Pavlovna of Russia. Portrait by Vladimir Borovikovskiy, 1800s

После кончины Марии Павловны в 1859 г. на месте её погребения был построен православный храм, перешедший в ведение Императорской российской миссии в Веймаре. Встал вопрос о содержании и штате этой церкви. Александр II сразу же поставил его в более широком плане. «...Его Императорскому Величеству, – сообщал В.Ф. Адлерберг А.М. Горчакову о своём докладе царю, – благоугодно было обратить внимание, что все заграничные православные церкви, находящиеся как при особах Императорской Фамилии, так равно при миссиях и посольствах наших, в отношении Иерархического управления состоят в ведении здешнего епархиального начальства, но затем все назначения по содержанию оных церквей и причтов оных производятся по распоряжениям различных ведомств и из разных источников, отчего проистекает разность в определении

не только размера содержания священно- и церковнослужителей, но и самых прав каждого из них на другие служебные преимущества». Характерно, что император исходил из понимания большого значения этих церквей для российских национальных интересов в свете растущего авторитета и международных связей России: «...При постоянно распространяющемся сближении нашем с иностранными государствами, – продолжал изложение монаршей мысли в той же записке министр двора, – существование там православных церквей ... составляет не только надобность для особ Императорской Фамилии и лиц, состоящих при наших миссиях и посольствах, но и существенную потребность для значительного числа пребывающих там русских подданных». В итоге император поручил министру двора и вице-канцлеру «войти в надлежащее соглашение» с митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским (контролировавшим работу заграничных церквей по линии Св. Синода) с целью учредить единообразное управление ими единым начальством при финансировании из «одного общего источника»³.

Во исполнение монаршей воли бюрократическая машина империи быстро пришла в движение. Вице-канцлер Горчаков в ответ на обращение министра двора предложил подчинить все подобные церкви Министерству иностранных дел, поскольку «оно одно только может иметь ближайшее наблюдение за этими церквями через посредство посланников наших при заграничных дворах». Соответственно, министр предлагал на Высочайшее усмотрение соображение «поручить Министерству иностранных дел или особой комиссии из чиновников сего Министерства и Духовного ведомства пересмотреть изданные для каждой из сих церквей отдельные постановления и затем составить для всех них одно общее положение в отношении материальных средств и вообще служебных преимуществ с определением при том одного общего источника расходов на содержание церквей и причтов оных»⁴. Так было положено начало реформе управления посольскими церквями, которая заняла несколько лет.

Её первым этапом стала работа специальной межведомственной комиссии, созданной по предложению Горчакова весной 1863 г. с Высочайшего соизволения для разработки «общего положения» в отношении посольских церквей. Министр двора предложил, чтобы она «исполняла возложенные на неё поручения под наблюдением» МИДа, на что Горчаков с готовностью согласился⁵. В состав комиссии вошли статский советник Средин (Департамент хозяйственных и счётных дел МИДа), коллежский советник Ребезов (Министерство двора) и протоиерей Петропавловского кафедрального собора, профессор Санкт-Петербургского университета В.П. Полисадов (от Духовного ведомства).

³ Министр двора – вице-канцлеру Князю Горчакову, 8 июля 1862 г. *АВПРИ*. Ф. 159. Оп. 337/1. Д. 46. Л. 5-7.

⁴ Господину министру Императорского двора. 10 сентября 1862 г. Там же. Л. 11-11 об.

⁵ Министр двора – г-ну министру иностранных дел. 8 мая 1863 г.; Товарищ министра иностранных дел – министру двора, 22 июня 1863 г. Там же. Л. 15-17 об.

Комиссия предусмотрительно начала свою работу с инвентаризации – сбора сведений о состоянии и нуждах посольских церквей, включая их штаты, финансирование и имущество. Соответствующие запросы рассылались по посольствам и миссиям за подписью товарища министра иностранных дел Н.А. Муханова; отвечали на них главы миссий совместно с настоятелями храмов. Проанализировав полученные сведения, комиссия приступила к составлению проекта нового положения. Судя по документам, эта работа протекала гладко, на конструктивной и взаимно уважительной основе. Члены комиссии пришли к согласию по большинству обсуждавшихся вопросов. К маю 1864 г. «Проект Положения о заграничных церквях православного исповедания» был готов. Он предусматривал комплекс мер по упорядочению содержания и управления этими учреждениями; меры не распространялись на православные духовные миссии в Иерусалиме и Пекине, находившиеся на особом положении, а также на частные церкви, которые начали создаваться на средства состоятельных русских путешественников.

Во-первых, подтверждался принцип двойного подчинения, при котором в иерархическом отношении эти церкви состояли бы в ведении Св. Синода и Санкт-Петербургского епархиального начальства, а во всех остальных починялись бы «заведованию МИДа», от которого получали бы положенное по штату содержание. Церкви подразделялись на три разряда (посольские, придворные и надгробные), каждому из которых полагался свой штат и денежное содержание: первыми по уровню обеспечения шли посольские церкви, за ними – придворные и надгробные, а затем – консульские. Во-вторых, определялся порядок назначения и увольнения священно- и церковнослужителей, а также их отношений с дипломатическим и духовным руководством. Назначения осуществлялись духовным ведомством «по сношению с МИДом и обер-прокурором Св. Синода», а увольнения – руководством миссий «по сношению с духовным ведомством и обер-прокурором Св. Синода» (этот пункт впоследствии вызвал серьёзные разногласия между Св. Синодом и МИДом). К священникам предъявлялись высокие требования: их следовало назначать «преимущественно из лучших наставников духовных академий и семинарий, или из отличных выпускников оных, окончивших полный курс и удостоенных степени магистра богословия». За границей они должны были работать «под непосредственным покровительством и наблюдением посланников и обращаться к посланникам по всем делам, касающимся их как священников посольских и консульских церквей», а по делам чисто духовным «состоять в прямых сношениях с духовным начальством». В-третьих, в проекте определялся порядок награждения и финансового обеспечения священнослужителей и причта церквей: размер жалования по категориям, оплата прогонных и проездных расходов, выплата пенсий и единовременных пособий. При условии «беспорочной и усердной службы» по возвращению в Россию заграничных священников надлежало определять на лучшие места в столичных храмах. К проекту прилагалось и новое штатное расписание всех заграничных церквей.

В объяснительной записке к проекту его авторы обосновывали необходимость предлагаемых мер, прежде всего – увеличения денежного довольствия священников и причта, а также впервые вводимых пенсий. В условиях жёсткой экономии государственных средств, введённой после Крымской войны, это требовало серьёзного обоснования. Бóльшая часть штатов и денежного содержания, отмечалось в записке, была Высочайше утверждена ещё в 1800 г. и ввиду роста цен нуждалась в пересмотре «сообразно требованиям времени». «...Комиссия имела в виду обеспечить духовенство в такой мере, чтобы оно не нуждалось и, не будучи поставлено в необходимость изыскивать средства к увеличению содержания своего посторонними занятиями, могло совершенно предаться обязанностям службы и учёным занятиям, дабы впоследствии, при возвращении в Россию, могло быть полезным деятелем в сфере духовного ведомства»⁶. Таким образом, служба за границей рассматривалась ещё и как своеобразное повышение квалификации в деле подготовки высокообразованных богословских кадров.

На это было направлено и установление регулярных пенсий для священников, возвращавшихся из заграницы. Поскольку «заграничные православные церкви не имеют ни приходов, ни постоянных прихожан, – говорилось в записке, – и, следовательно, не пользуются и теми доходами, какие доставляют духовенству приходские церкви в России, и что непривычка к этим поборам поставила бы духовенство в неловкое положение при получении впоследствии мест в России, комиссия признала необходимым обеспечить и будущность заграничного духовенства настолько, чтобы по возвращению в Россию оно не нуждалось в приискании мест в приходских церквях...». Иными словами, имелось в виду сохранить ценные заграничные кадры для более серьёзных занятий, освободив их от рутинной приходской работы и забот о хлебе насущном. Увеличение содержания заграничных священнослужителей, как отмечают исследователи, вызывалось пониманием необходимости усиления роли духовенства в реализации представительских функций за рубежом: достойное жалование должно было позволить настоятелям посольских церквей «вести образ жизни, схожий с российскими официальными лицами, участвовать в светских приёмах, достойно содержать дом и семью» (Одерова 2009: 20).

Все эти привилегии полагались только при условии безупречной службы и «примерного образа жизни»: «в случае нерадения, неповиновения непосредственному Начальству, или вообще поведения, недостойного духовного сана, виновный отзывается МИДом немедленно в Россию и предается в распоряжение епархиального начальства, причём лишается всех прав и преимуществ, предоставляемых настоящим положением»⁷.

⁶ Объяснительная записка из донесения Комиссии по составлению положения для заграничных православных церквей. Там же. Л. 69.

⁷ Там же. Л. 57 об.

Комиссия рассматривала и вопрос о сокращении количества заграничных церквей. В этом мнения её членов разошлись: «в видах сокращения расходов» представители светских властей Средин и Ребезов высказались в пользу закрытия церквей при миссиях в Мадриде, Стокгольме и Турине (последняя располагалась в Неаполе) и надгробных церквей в Веймаре и Уроме, «как находящихся в местах, наименее посещаемых русскими путешественниками». В таком случае увеличение общей сметы расходов даже с учётом повышения жалования священникам и причту должно было составить всего 1511 руб. 36 коп. против исходных 95246 руб. 88 коп. и 550 голландских червонцев⁸.

Представитель церковных кругов проф. протоиерей Василий Полисадов выступил против этого предложения. Его аргументация заслуживает подробного изложения. Прот. Василий был известным духовным писателем, имевшим большой опыт работы в заграничных православных церквях. Признав малую посещаемость российскими подданными этих храмов, протоиерей выдвинул в пользу их сохранения миссионерский аргумент. «Существование церквей и причтов наших в различных странах западного христианского мира, – отмечал он, – имеет целью не одно удовлетворение духовных потребностей православных русских, но ещё и представительство православной веры и обряда перед христианами инославных исповеданий...». Это особенно «важно в настоящее время с одной стороны сближения даже в духовных вопросах, а с другой потрясений и брожения в западном христианском мире. Смотря с этой точки зрения на церкви наши в Неаполе и Мадриде, я нахожу, – продолжал о. Василий, – что та и другая находятся в странах наиболее папских – наиболее удалённых от влияния в них духа Апостольской чистоты в вере и обряде, так что единственными представителями этой чистоты служат там наши церкви и причты их». Заграничные церкви знакомят инославных христиан с тем, что «кроме испорченного папизма есть церковь Восточная, столь же древняя, как и римская, но остающаяся неизменно верною Апостольскому преданию, а потому и православно-кафолическая». «Закрывая заграничные наши церкви и отзывая в Россию причты их из соображений сбережения самых незначительных государственных интересов, – заключал профессор и протоиерей, – мы лишаем чрез это Православную Церковь, приносящую государству немалые интересы, и последнего способа – делать себя известною на западе».

Ещё одна важная роль заграничных церквей состоит в том, напоминая прот. Василий, что они «поставляют сведения о состоянии западных инославных церквей и представляя из себя, таким образом, духовных посланников при иностранных церквях. Они пишут также прекрасные корреспонденции в духовные, даже светские журналы и служат в этом отношении учёными агентами в странах европейской цивилизации». В этих словах ёмко описывалась двойная функция российского духовенства за рубежом: просвещение Запада в отношении православия и российской духовной культуры в целом – с одной стороны, и ознакомление соотечественников с западноевропейским богословием – с дру-

гой. Тем самым оно активно участвовало в межкультурном диалоге России с европейскими странами.

Лучшие представители русского духовенства за рубежом ещё и в первой половине XIX в. немало способствовали пробуждению интереса к православию и русской культуре в целом. Так, духовники Марии Павловны в Веймаре протоиерей Никита Ясновский и его преемник прот. Стефан Сабинин были высокообразованными людьми, которые своими учёными трудами снискали уважение взыскательного веймарского общества. В частности, о. Никита первым перевёл православную литургию на немецкий язык, а крупный специалист по Ветхому Завету о. Стефан – двухтомник сочинений А.С. Пушкина. При них и Марии Павловне православный приход в Веймаре стал подлинным центром русской культуры, который посещали Й.Ф. Гёте и Ф. Шиллер, а также многие знаменитые русские путешественники – В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, Н.В. Гоголь, Ф.И. Глинка и др.⁹ Сам о. Василий Полисадов был автором многих богословских трудов, изданных за границей, так что термин «учёный агент» мог вполне быть применен и к нему. Своё особое мнение он заключил словами: «Государство, которому православная российская церковь, как прежде, так и теперь служит с полной готовностью, в самых существенных интересах и которое доселе, благодарение Богу, живёт жизнью нераздельною с Церковью, конечно, не откажется содержать три лишние православные поста в странах инославных»¹⁰.

После составления проекта начался этап его внутри- и межведомственного согласования. Проект был направлен обер-прокурору Св. Синода графу Д.А. Толстому (с просьбой «особо отметить труды протоиерея Полисадова»), а также в соответствующие дипломатические представительства на предмет замечаний и пожеланий. Главы миссий, как правило, соглашались с основными содержанием проекта (кроме идеи закрытия относящихся к ним церквей) и ограничивались просьбами об увеличении штатов и содержания своих храмов. Поверенный в делах Императорской миссии в Саксен-Веймаре барон А.П. Мальтиц, прослуживший там 23 года, поддержал мнение Полисадова: в Веймар, писал он, приезжает всё больше русских путешественников и студентов, растёт интерес к православному богослужению, а, кроме того, «новоустроенная русская церковь, бесспорно, есть лучшее украшение Веймара»¹¹.

Единственным исключением было мнение посла в Париже, одного из самых опытных российских дипломатов барона А.Ф. Будберга, который поставил под сомнение саму идею государственной поддержки заграничных церквей. «В на-

⁸ Там же. Л. 69 об.

⁹ Еременко Е. *Русский храм в Веймаре* [Электронный ресурс] URL: <http://ruskoeppole.de/ru/federalnye-zemli/tyuringiya/870-2012-08-04-16-35-2356.html> (дата обращения: 20.06.2020).

¹⁰ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 337/1. Д. 46. Л. 71 об.

¹¹ Русская Императорская миссия в Веймаре, 21 июня/ 3 июля 1864 г. Там же. Л. 101. Церковь до сих пор является достопримечательностью Веймара; в здании храма располагается также миссионерский центр имени иерея Даниила Сысоева.

стоящее время почти повсюду принято за правило, – ссылаясь посол на зарубежный опыт, – что правительство не имеет прямой ответственности удовлетворять на казённые издержки частные религиозные потребности, предоставив это инициативе самих верующих, которая у нас уже обнаружилась устройством и поддержанием [частных – *Авт.*] православных церквей в Ницце, Дрездене, Карлсбаде и Эмсе». Что касается «распространения в чужих краях верных понятий о православии», добавлял Будберг, то «эта цель может быть достигнута с большим успехом священниками, состоящими не на казённом содержании, ибо касательно их невозможно утверждать, что они служат орудием в руках правительства»¹². Отпрыск старинного дворянского рода, будущий член Государственного совета и внук одного из первых российских министров иностранных дел мог позволить себе пойти вразрез с преобладающим мнением. Но этот взгляд обращал внимание на обратную сторону тесного отождествления заграничных российских церквей с государством: их превращение в «витрину самодержавия» (Киценко 2008) отчуждало от них часть российских и иностранных прихожан.

Собрав и проанализировав замечания и предложения миссий, курирующий Департамент хозяйственных и счётных дел МИДа (с 1868 г. – Департамент личного состава и хозяйственных дел) составил итоговый вариант проекта и передал его на рассмотрение Совета МИДа – высшего руководящего органа министерства – с приложением сводки о предложениях миссий. На заседании 26 января 1865 г. под председательством товарища министра Н.А. Муханова Совет скорректировал проект в соответствии с некоторыми пожеланиями руководства миссий относительно штатов и содержания причта. Предложение о наделении Штутгартской церкви особым статусом в соответствии с пожеланием Королевы Вюртенбергской было отклонено как противоречащее «Высочайшей воле Государя Императора о подчинении всех заграничных церквей заведованию одного начальства». Но с учётом высокого статуса ходатайства окончательное решение вопроса было оставлено на Высочайшее усмотрение. Совет также согласился приравнять по условиям содержания домовую церковь при самом МИДе к заграничным церквям на том основании, что она состоит в общем с заграничными церквями заведовании министерства. По предложению посланника в Нидерландах Совет постановил было закрыть греческую церковь в Амстердаме, имевшую всего одного постоянного прихожанина, но председательствовавший Муханов настаивал на сохранении церкви, поскольку её священник нередко заменял пожилого духовника вдовствующей королевы Нидерландской Анны Павловны – ещё одной дочери Павла I, вышедшей замуж за принца Оранского – будущего короля Нидерландов¹³. Предложение Средина

¹² Императорское Российское посольство в Париже, 7/19 июля 1864 г. Там же. Л. 96-96 об.

¹³ Это был протоиерей Арсений Судаков, которого вдовствующая королева высоко ценила и который в 1863 г. по её ходатайству личным решением Александра II был награждён наперсным крестом с драгоценными камнями из Кабинета Его Императорского Величества (АВПРИ. Ф. Спб. Главный архив IV-16. Оп. 158. 1863. Д. 2Л. 47-48).

и Ребезова о закрытии упомянутых заграничных церквей было признано «неудобным и несообразным с видами правительства» – точка зрения Полисадова восторжествовала¹⁴. Министр А.М. Горчаков наложил на заключение Совета следующую резолюцию: «Проект штатов рассмотреть в Министерстве вновь и по возможности сократить. Церковь в Амстердаме полагаю оставить. В остальном согласен с заключением Совета»¹⁵. (Горчаков, видимо, учитывал тяжёлое состояние Анны Павловны, которая умерла в марте того же года после длительной болезни лёгких) (Григорян 2010: 191–193). Указание министра о дополнительном сокращении штатного расписания было исполнено, после чего начался процесс согласования проекта министерства со Св. Синодом, Министерством двора и Министерством финансов, которое должно было выделить дополнительные средства на предлагаемые штаты.

Министерство двора полностью согласилось с проектом, но заключение Министерства финансов, подписанное его главой графом М.Х. Рейтерном, было гораздо более сдержанным. «...В видах возможного устранения новых расходов от Государственного казначейства, я полагал бы в настоящее время ограничиться только равномерным распределением служебных преимуществ, – писал этот влиятельный министр, один из авторов «великих реформ» александровского времени. – Относительно же денежных средств допустить увеличение содержания только для причтов тех церквей, как в Веймаре, где оно оказывается действительно недостаточным, отложив общее преобразование их штатов до более благоприятных обстоятельств»¹⁶. Что касается домово́й церкви МИДа, что Рейтерн предложил её упразднить, обратив отпускаемые на её содержание средства на «приглашение священника, дьякона и причётника в тот день, когда бывает служба»¹⁷. Обескураженный таким ответом, Муханов обратился за помощью к министру Двора с просьбой «повергнуть на Высочайшее Государя Императора воззрение о затруднениях, встречаемых г-ном Рейтерном к осуществлению проекта Комиссии». Министр двора, в свою очередь (видимо, не желая раньше времени апеллировать непосредственно к императору), попросил Горчакова ещё раз рассмотреть запросы по новым штатам, оставив окончательное решение этого вопроса на усмотрение самого вице-канцлера¹⁸.

Свои претензии к проекту высказал и Св. Синод в заключении, подписанном обер-прокурором графом Толстым. В основном они касались вопросов подчинения заграничных церквей и субординации их настоятелей в рамках дипломатических миссий. Следуя сложившейся традиции, Синод возражал против подчинения церквей одновременно Св. Синоду и Санкт-Петербургскому

¹⁴ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 337/1. Д. 46. Л. 163 об.

¹⁵ Там же. Л. 159.

¹⁶ Господину товарищу министра иностранных дел, 10 апреля 1865 г. АВПРИ. Ф. 159. Оп. 337/1. Д. 46. Л. 205 об.

¹⁷ Изложение дела. 4 мая 1866 г. Там же. Л. 275.

¹⁸ Министру императорского двора, 30 апреля 1865 г.; Господину вице-канцлеру князю Горчакову, 17 мая 1865 г. Там же. Л. 208 об. – 209 об.

епархиальному начальству, считая достаточным только второе. Не понравилось Синоду и право глав миссий увольнять провинившихся священно- и церковнослужителей по своему усмотрению, информируя об этом духовное начальство. Такое правило, говорилось в заключении Синода, «несоответственно с достоинством священнического сана и тем внешним положением, которое должны занимать заграничные священнослужители как представители православного духовенства в чужих краях». Синод возражал также против права начальства миссий привлекать причётников к переписке и другим посольским поручениям, как чреватое причинением ущерба их прямым обязанностям¹⁹. В целом эти замечания были направлены на обеспечение большей автономии заграничных священников.

Подготовить ответ на эти замечания было поручено тому же о. Василию Полисадову, хорошо знакомому как со Св. Синодом, так и с условиями работы священников за границей. Протоиерей резонно доказывал недостаточность подчинения заграничных церквей только столичному епархиальному начальству тем, что за границей они представляют не одну епархию, а всю Православную церковь, поскольку «имеют характер православных миссионеров в странах иностранных. В этом качестве им приходится отчасти заниматься такими предметами, которые касаются не одной какой-либо епархии, а всей российской, даже всей православной церкви». Священники за рубежом, развивал свою любимую мысль о. Василий, могут сообщать «о состоянии православных церквей и общества в Западной Европе, о их благоприятном или неблагоприятном настроении в отношении к православию, о сношениях их с церковью православной». Такого рода сведения должны быть адресованы непосредственно в Св. Синод, ибо «только высшая иерархическая власть Русской православной церкви может дать заграничному священнику необходимые наставления в делах такого рода». Прот. Полисадов добавлял, что и в подборе кадров для заграничных церквей необходимо участие Синода, располагающего в этом вопросе более полными сведениями, чем епархиальное начальство²⁰.

Соображения протоиерея вошли в итоговый ответ МИДа на замечания Св. Синода, подписанный исполняющим обязанности товарища министра В.И. Вестманом. Возражение Синода против использования причётников для нужд посольства отклонялось в нём тем соображением, что это предлагается «в видах отвращения причётников от праздной жизни, доводящей иногда, как показывают примеры, до сумасшествия». Спрашивать же на то разрешения настоятелей, как предлагает Синод, «было бы противно порядку административной подчинённости церковных причтов начальникам посольств и миссий». Что

¹⁹ Канцелярия Св.Синода – Г-ну исполняющему должность товарища министра иностранных дел, 11 сентября 1865 г. Там же. Л. 212-220.

²⁰ Там же. Л. 226-229.

касается увольнений провинившихся по решению посольства, то предлагалась оговорка о том, что это будет делаться «в экстренных случаях»²¹. Согласование с Синодом затянулось и только к весне 1866 г. процесс вышел на свою финальную стадию. К тому времени Горчаков одобрил предложение закрыть церковь в Амстердаме, потерявшую своё былое значение после смерти Анны Павловны.

23 апреля вице-канцлер в Царском Селе лично доложил Александру II о состоянии дел и позиции министерства финансов. Многоопытный дипломат предоставил императору самому сломить сопротивление могущественного Рейтерна. «Имея в виду Вашу Высочайшую волю о заведении единым начальством и принимая во внимание, что с передачей заграничных церквей в управление МИДа расход государственного казначейства по содержанию заграничных церквей во всяком случае должен увеличиться, – докладывал Горчаков, – осмеливаюсь испрашивать Высочайшее разрешение Вашего Императорского Величества дать дальнейший ход этому делу, поручив статс-секретарю Рейтерну изыскать источники на покрытие исчисленных на содержание церквей расходов или, согласно с предложением его, отложить это дело до более благоприятных финансовых обстоятельств». Канцлер присовокупил, что с закрытием церквей в Амстердаме и Риме дополнительный расход должен составить всего 6403 руб. 65 коп. Расчёт Горчакова оправдался. Рукой императора на его докладе было начертано: «Исполнить согласно с Вашим предложением»²². Теперь министр мог с лёгким сердцем поставить министра финансов перед свершившимся фактом. «Государю Императору, – сообщал он Рейтерну, – благоугодно было, принимая во внимание, что Амстердамская церковь упраздняется, а Римская в настоящее время закрыта, через что сумма, необходимая для новых штатов значительно сократится, 23 минувшего апреля Высочайше повелеть передать упомянутые штаты на Высочайшее утверждение установленным порядком»²³.

«Установленный порядок» означал передачу документа на утверждение высшего законосовещательного органа империи – Государственного совета. Но прежде он должен был пройти апробацию в Департаменте государственной экономии при Государственном совете, который занимался предварительным – до внесения в общее собрание Госсовета – рассмотрением законопроектов по вопросам финансов, торговли, промышленности и народного образования (Раскин 1998). Департамент государственной экономии закончил работу над итоговым Мнением Государственного совета лишь в начале марта 1867 г., после чего оно было утверждено на общем собрании Совета 3 апреля без дополнительных изменений. «Мнение» представляло собой сокращённый вариант общего положения, прошедшего все ступени согласований. Согласно этому документу, к

²¹ Исправляющий должность товарища министра иностранных дел – обер-прокурору Св.Синода, 9 ноября 1865 г. Там же. Л. 230-244.

²² Доклад Его Императорскому Величеству от 23 апреля 1866 г. Там же. Л. 262 об. – 266 об., 260.

²³ Господину министру финансов (дата не указана). Там же. Л. 271.

тому времени в ведении МИДа находилась 21 заграничная церковь (из них три посольских, 11 при миссиях, четыре надгробных, одна придворная и две консульских) с общим штатом в 75 человек. На их содержание выделялось 103 566 руб. 90 коп. и 550 голландских червонцев²⁴. «Мнение» было подписано председателем Государственного совета великим князем Константином Николаевичем и после утверждения его Александром II 1 мая 1867 г. стало законом империи.

Реформированная система управления заграничными церквями действовала без существенных изменений вплоть до 1917 г. Численность этих учреждений почти не изменилась: к концу царствования Александра II (1881 г.) в ведении МИДа насчитывалось 22 заграничных церкви, а в 1905 г. – 24, в которых служили четыре архимандрита, 17 протоиереев, пять священников, 14 дьяконов и 32 псаломщика²⁵. В течение всего этого периода посольские церкви ежегодно отчитывались перед МИДом с точным указанием статей расхода и приложением всех финансовых документов.

Сохранялись в силе и высокие требования к их причту. Подавляющее большинство настоятелей с отличием окончили Санкт-Петербургскую и Московскую духовные академии, имели учёные звания и труды, опыт работы за рубежом, удостаивались духовных и светских наград, в том числе иностранных. Так, протоиерей Н.П. Апраксин около 20 лет прослужил в Богемии, Баден-Бадене и Женеве, переводил на чешский язык духовные книги и был удостоен звания Почётного члена Санкт-Петербургской духовной Академии за духовно-просветительскую деятельность. Протоиерей А.П. Мальцев (с 1886 по 1914 гг. настоятель посольской церкви в Берлине), перевёл на немецкий язык литургии святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста, основал донныне существующее Свято-Князь-Владимирское братство, занимавшееся благотворительной, духопросветительской и храмостроительной деятельностью. Он же составил первый подробный обзор заграничных учреждений РПЦ (Мальцев 1906). Протоиерей Е.К. Смирнов (настоятель церкви в Лондоне с 1877 г.) написал на английском языке изданную в Великобритании историю русских православных духовных миссий и за заслуги получил потомственное дворянство постановлением Правительствующего Сената. Для назначения за границу от священника требовалось знание современных иностранных языков, хотя не обязательно языка страны назначения (ожидалось, что, даже если настоятель изначально не знает языка страны служения, он вскоре его выучит, ибо владеет несколькими другими) (Гогорян 2016: 46–47).

Большая часть клириков заграничных учреждений РПЦ вышла из священнической среды, но были и исключения. Протоиерей в Нассау С.В. Протопопов

²⁴ *АВПРИ*. Ф.159. Оп. 337/1. Д. 46. Л. 205 об.

²⁵ Обзор деятельности Министерства по вопросам, относящимся к личному его составу и хозяйству за время царствования почившего в Бозе Императора Александра III. *АВПРИ*. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 609. Л. 29; Годовой отчёт по Департаменту личного состава и хозяйственных дел за 1905 г. Там же. Д. 233. Л. 22.

происходил из потомственных дворян; ещё более родовитым был римский настоятель архимандрит Владимир (Всеволод Владимирович Путята), который до пострижения в монахи окончил Демидовский Юридический лицей, а затем Военно-юридическую академию, служил в лейб-гвардии Преображенском полку, вращаясь в высшем столичном свете²⁶. Поистине заграничное духовенство двух пореформенных поколений было элитой Русской православной церкви.

Среди новых посольских церквей конца XIX в. стоит особо отметить первый в Южной Америке православный храм в Буэнос-Айресе, имеющий интересную историю. В 1888 г. православные переселенцы из Европы, среди которых было и несколько русских, обратились к российскому посланнику в Аргентине А.С. Ионину с просьбой прислать для строившегося православного храма священника из России. Ходатайство Ионина и обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева возымело действие: «Следовало бы, не теряя времени, послать им священника», – распорядился Александр III²⁷. Первая домовая церковь в Буэнос-Айресе открылась летом 1888 г. и была причислена к Императорской миссии. В 1891 г. туда приехал настоятелем 26-летний священник Константин Гаврилович Изразцов, развернувший активную миссионерскую деятельность (см. рис. 2). В 1899 г. вместе с диаконом И.А. Миленко он совершил длительное путешествие по отдалённым провинциям Аргентины, подробный отчёт о котором направил в Св. Синод и российскому поверенному в делах А.М. Вольфу. В провинции Мендоза о. Константин принял в православие 171 человека (в т.ч. детей) из числа русинов-униатов и двух «иностранных-паписток», окрестил 29 человек и совершил 11 венчаний²⁸. Местная католическая церковь не признавала униатов и они, «оказавшись в “духовном гладе” без церкви и без пастыря, обратились ко мне», – записал прот. Константин в своём отчёте. Священник с диаконом проехали более 3 тыс. км по железной дороге и свыше 600 км верхом, находя, по словам о. Константина, «удовлетворение в сознании, что исполнили свой долг в отношении этих заброшенных сюда и страждущих духовно и телесно наших собратий по вере и крови... Помогите им Бог достигнуть желаемого и крепко осесть на новой своей родине!»²⁹. Поверенный в делах не случайно переслал этот отчёт министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу. Путевые наблюдения протоиерея и собранные им сведения о проживавших в Аргентине славянах имели и этнографическую ценность, получившую признание специалистов. Неутомимый настоятель сумел собрать в России около 75 тыс. руб. для строительства нового храма, включая пожертвование в 5 тыс. руб. от

²⁶ См. формулярные списки причта заграничных церквей: *АВПРИ*. Ф. 159. Отчеты церквей за 1906 год. Оп.749/2. 1906 г. Д. 15.

²⁷ Обзор деятельности Министерства по вопросам, относящимся к личному его составу и хозяйству за время царствования почившего в Бозе Императора Александра III. *АВПРИ*. Ф. 159. Оп. 749/1. Д. 609. Л. 29-29 об.

²⁸ Клементьев А.К. 2009. Изразцов. *Православная энциклопедия*. Т. 21. Иверская икона Божией Матери – Икиматарий. Москва: ЦНЦ «Православная энциклопедия». С. 604.

²⁹ Российскому Поверенному в Делах А.М. Вольфу, 27 августа/3 сентября 1899 г. *АВПРИ*. Ф. 159. Оп. 749/1. 1899 г. Д. 1296. Л. 309-314.

Николая II, дарованное после личной аудиенции. Необычной красоты храм в стиле московских церквей XVI–XVII вв. строился по проекту члена Императорской академии художеств академика М.Т. Преображенского – создателя многих замечательных православных храмов, в том числе и за рубежом. Сообщая о ходе строительства, прот. Константин вдохновенно описывал поднимающееся здание с пятью куполами, «на которых впервые воссияли в Южной Америке православные кресты» (кресты были привезены из России – Авт.). Это, заключал он, «внушило всем уверенность, что Православие стало здесь твёрдой ногою и при помощи могущественной России будет с подобающей честью держать своё знамя»³⁰. В сентябре 1901 г. Свято-Троицкий храм был торжественно освящён в присутствии президента Аргентины Хулио Рока. Помимо своих прямых обязанностей о. Константин до 1917 г. служил секретарём российской миссии в Буэнос-Айресе. За свою миссионерскую деятельность он был награждён орденом Св. Владимира третьей степени, в связи с чем Правительствующий Сенат в 1912 г. произвёл этого сына сельского священника в потомственного дворянина. Свято-Троицкий храм и поныне украшает аргентинскую столицу, а его приход является одним из самых крупных в стране (см. рис. 3).

Рис. 2. Прот. Константин Изразцов
Pic. 2. Archpriest Konstantin Izraztsov

Рис. 3. Собор Святой Троицы в Буэнос-Айресе
Pic. 3. Russian Orthodox Cathedral of the Most Holy Trinity in Buenos Aires

³⁰ Донесение настоятеля Православной церкви в Буэнос-Айресе протоирея Константина Изразцова, 9/21 февраля 1900 г. Там же. Л. 343-344.

Многие другие бывшие посольские церкви, построенные на собранные в дореволюционной России средства, продолжают свою миссию уже в самостоятельном качестве, укоренившись на инославной почве. Некоторые из них находятся в ведении Московской Патриархии. Прежняя связь зарубежных церквей с российской дипломатией ушла в прошлое, но их взаимодействие продолжается в новых формах. Многие сотрудники российских учреждений за рубежом стали их прихожанами, Россия открывает православные духовно-культурные центры в Париже, Берлине и других городах. Российская дипломатия сотрудничает с РПЦ в защите и продвижении традиционных моральных ценностей. Исторический опыт многовекового государственно-церковного взаимодействия вновь востребован сегодня.

Об авторах:

Владимир Олегович Печатнов – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, Заслуженный деятель науки России. 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76, Россия. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Валентин Владимирович Печатнов – кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии МГИМО МИД России. 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76, Россия. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Received: March 20, 2019
Accepted: April 12, 2020

Russian Foreign Ministry and the Reorganization of Russian Orthodox Churches Abroad in 1860 s

V.O. Pechatnov, Val.V. Pechatnov
DOI 10.24833/2071-8160-2020-3-72-7-25

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: Based on the unearthed documents from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, the article examines an interaction of Russian diplomacy and Russian orthodox churches abroad in the process of their reform in the early 1860-s. This reorganization was undertaken in context of the “Great reforms” of Alexander II and aimed at rationalization of the previous system of subordination of those churches to civil and ecclesiastical authorities in St. Petersburg. The architects of the reform initiated by the Tzar himself sought to create a unified system of subordination and financing of those churches with identical criteria for

their personnel, their rights and duties vis-à-vis heads of diplomatic missions. Accordingly, the Russian Foreign Ministry became responsible for their operation and financing while in ecclesiastical matters they were to answer to the Holy Synod. Foreign Ministry and personally Alexander Gorchakov, as demonstrated in the article, played a leading role in the reform preparation and implementation conducted on an inter-agency basis with the Holy Synod, Ministry of the Court and Finance Ministry taking part. The heads of diplomatic missions and of the affiliated churches were also consulted in the process. The authors trace all stages of these complex negotiations that resulted in achieving a balance of interests between all the actors involved. The newly created system proved to be quite efficient and lasted till the end of the Russian empire. The reorganization revealed a state of the churches abroad and their clergy that was a crème of Russian Orthodox Church. The reform experience is also instructive as a case study of Russian government apparatus in action.

Key words: Foreign Ministry of the Russian Empire, Russian Orthodox churches abroad, Russian diplomatic missions, Russian Orthodox Church, Holy Synod

About the author:

Vladimir O. Pechatnov – Dr. of Science (History), Professor, Department of European and American Studies, MGIMO, Distinguished Scholar of the Russian Federation. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: vopechatnov@gmail.com

Valentin V. Pechatnov – Ph.D (History), Associate Professor, Philosophy Department, MGIMO. 119454, Prospect Vernadskogo 76, Moscow, Russia. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Conflict of interest: The authors declare absence of conflict of interests.

References:

Gogorian K. E. 2016. Russkoe zarubezhnoe dukhovenstvo v Zapadnoi Evrope v XIX veke: obshchie tendentsii i spetsifika [Russian Foreign Clergy in Western Europe in the XIX Century: General Trends and Specifics]. *Vestnik PSTGU. Second series: History. History of the Russian Orthodox Church.* 6(73). P. 45–54. (In Russian)

Grigorian V. 2010. *Russkie zhiony evropeiskikh monarkhov* [Russian Wives of European Monarchs]. Moscow: AST and Astrel Publ. 381 p. (In Russian)

Kitsenko N.B. 2008. “*Vitriny Samoderzhavia*”: *Russkaya tserkovnaya arkhitektura za granitsej*. *Zaionchkovskii P.A. Sbornik statej i vospominanii k stoletiu istorika* [The Shop Windows of Autocracy: Russian Church Architecture Abroad]. Zaionchkovsky P.A. Collection of Essays and Reminiscences on the Historian’s Centennial]. Moscow: Moscow State University. P. 450-470. (In Russian)

Kudriavtseva E.P. 2017. Rossiiskie posol’skie tserkvi i sviashchennosluzhiteli pri Nikolae I [Russian embassy churches and clergy during the reign of Nicholas I]. *MGIMO Review of International Relations.* 6(57). P. 7–19. (In Russian)

Mal’tsev A.P. 1906. *Pravoslavniye tserkvi I Russkie uchrezhdeniya za granitsej* [Orthodox Churches and Russian Missions Abroad]. Saint Petersburg. (In Russian).

Oderova M.V. 2009. *Pravoslavnaia Tserkov’ pri Russkom Posol’stve v Parizhe (1816-1917)*. Avtoreferat Dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk [The Orthodox Church at the Russian Embassy in Paris (1816-1917) Ph. D Dissertation (Abstract). Moscow State University. 27 p. (In Russian).

Raskin D.I. 1998. *Vysshiy i tsentral’nyye gosudarstvennyye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917 gg.* [Higher and Central State Institutions of Russia. 1801-1917]. V 2 tt. T. 1: *Vysshiy gosudarstvennyye uchrezhdeniya*. Saint Petersburg: Nauka. 302 p. (In Russian).

Литература на русском языке:

Гогорян К.Э. 2016. Русское зарубежное духовенство в Западной Европе в XIX веке: общие тенденции и специфика. *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви.* 6(73). С. 45 –54.

Григорян В. 2010. *Русские жены европейских монархов.* Москва: АСТ, Астрель. 381 с.

Киценко Н.Б. 2008. «Витрины самодержавия»: русская церковная архитектура за границей. *П.А. Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка.* С. 451-470.

Кудрявцева Е.П. 2017. Российские посольские церкви и священнослужители при Николае I. *Вестник МГИМО-Университета.* 6(57). С. 7–19.

Мальцев А.П. 1906. *Православные церкви и русские учреждения за границей.* Санкт-Петербург.

Одерова М.В. 2009. *Православная церковь при русском посольстве в Париже (1816-1917).* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: МГУ.

Раскин Д.И. 1998. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917 гг. В 2 тт. Т. 1: Высшие государственные учреждения. Санкт-Петербург: Наука. 302 с.